ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.512.142
DOI: 10.35330/1991-6639-2021-4-102-80-89

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЮРКСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И АПЕЛЛЯТИВНЫХ ЛЕКСЕМ

Б.А. МУСУКОВ, М.З. УЛАКОВ, Л.Х. МАХИЕВА

Институт гуманитарных исследований –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

Статья посвящена комплексному изучению тюркских топонимических моделей, образованных от физико-географических, этнокультурных и историко-культурных апеллятивов, семантической мотивированности и топонимической позитивности. В ней рассматриваются вопросы, имеющие отношение к функционированию «связанных» географических названий – переносу названий гидронимических объектов на оронимические.

Ключевые слова: тополексема, «связанные» топонимы, апеллятив, географический объект, топонимическая стандартизация, гидронимы, оронимы.

Поступила в редакцию 11.08.21

Для цитирования. Мусуков Б.А., Улаков М.З., Махиева Л.Х. Лексико-семантические и синтагматические особенности тюркских географических названий и апеллятивных лексем // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 4(102). С. 80-89.

На обширной территории тюркоязычных регионов России и республик бывшего Советского Союза, ставших в настоящее время самостоятельными суверенными государствами, встречаются как исторически, так и в современном состоянии языков, географические названия, образованные в результате сочетания атрибутивных единиц с денотативными и абстрактными апеллятивами.

Гидронимы, оронимы, топонимы можно анализировать в семантическом, структурном и диалектном аспектах, проследить за тем, как они закрепились на территориях рассмотренных субъектов, как употребляются в плане двуязычия, интересно выяснить функции географических названий, их семантику, продуктивность различных моделей.

В основе исследования данной темы можно использовать историко-этнографические, лингвистические и географические материалы, в которых своеобразно отражаются сложные общественные процессы – передвижение и смешение различных тюркоязычных народов и племен, оставивших свой след в виде гидронимов, оронимов и топонимов, сохраняя старые географические названия на языке своих предшественников.

Территории различных тюркоязычных регионов дают обильный материал, свойственный названиям как мелких объектов, так и большей частью крупных объектов: озер, рек, водохранилищ, гор, перевалов, населенных пунктов.

Как отмечает Э.М. Мурзаев, изучая влияние номенклатурной терминологии, большинство тюркских «топонимов образовано с участием местных терминов» [1, с. 16].

Большую помощь в изучении тюркского материала, связанного с географическими названиями, образованными с участием атрибутивных слов, оказывают работы Г.К. Конкашпаева [2], К. Конкобаева [3], Э.М. Мурзаева [4], В.Н. Поповой [5].

А.С. Крюкова подчеркивает, что «…специфика местных географических названий складывается из совокупности географических, исторических и лингвистических причин. Термин интересен не только в прошлом, но и в настоящем в его жизни» [6, с. 111–114].

Этимологизация тюркских топонимов, образованных с помощью интегрирующих лексем, представляет большой интерес как для лингвистов, так и для других наук.

Активная «транзитивность» тюркоязычных регионов, находившихся на перекрестке караванных путей, связывающих многие районы между собой, наложила свой отпечаток на образование географических названий вообще и на «живучесть» их в частности.

В работах, посвященных исторической и современной топонимии тюркоязычных регионов, с помощью историко-лингвистических и историко-географических методов можно определить историю образования и развития современной системы физико-географических названий местности, структуру топонимов, этимологию и связь с апеллятивной лексикой, степень распространения терминов, их локальность, варианты значений и судьбу терминов в местной лексике.

Словосложение является самым продуктивным способом образования тюркских топонимов, в составе которых функционирует слово *ала.* Модель эта состоит из определения и определяемого (термина): *Алабота* – озеро в Кокчетавской и Кустанайской областях. *Букв.* ´куст´, возможно, ´лебеда´; ´гора покрытая кустарником´; *´Алаколь* – озеро´, из народной этимологии *ала+коль (каз.)* рассматривается как ´пестрое озеро´; *Алакудук* – урочище, из *ала+кудук* ´пёстрый колодец´. Все топонимы как термины, образованные с помощью слова *ала,* являются основным структурным стержнем и главным источником информации о характере, свойствах физико-географического объекта. В этом отношении наиболее полная информация об объекте содержится в тех именах собственных, которые состоят из определяющего и определяемого слов. Тюркские топонимы очень часто или даже в большинстве случаев двуосновны – образованы в результате сложения двух основ. При этом первый компонент преимущественно, но не всегда, является именем прилагательным, а второй служит нарицательным географическим термином, многократно повторяющимся в других физико-географических названиях. К числу таких слов относятся основы, обозначающие названия оронимических и гидронимических объектов, образованные от соответствующих апеллятивов: *таш* ´камень´, *суу* ´вода´, *суу* ´река´, *коль* ´озеро´, *тау* ´гора´, *сырт* ´перевал´. Происхождение географических названий можно объяснять, прибегая к семантике исходного апеллятива, состоящего из двух знаменательных частей речи: имени прилагательного и имени существительного.

При транскрипции тюркских географических названий Средней Азии и Казахстана, особенно в русской передаче, наблюдается смещение определяемых компонентов, например, *Коль* ´озеро´ – *Куль* ´озеро´. Разнобой большей частью происходит из-за того, что в русском алфавите нет знаков для многих звуков тюркских языков. Такая передача компонентов двуслоговых конструкций далека от подлинника, к примеру, если в киргизском языке употребляется слово *көль* ´озеро´, то в русской передаче встречается *куль.* В этом отношении отсутствие топонимической импровизации, сведений в параллельных источниках способствует умножению орфоэпической путаницы.

В структурном и семантическом отношении тюркские топонимы различных регионов, разделенные друг от друга территориально, повторяют общие модели употребления, являясь интегрирующими с семантической и морфологической точек зрения, несмотря на разнобой орфографических правил.

На территории Балкарии также встречаются оронимы, которые образовались от названий гидронимических объектов, например, название села *Думала* образовалось от названия реки *Думала,* протекающей в той же местности [7, с. 173].

Характерной особенностью, всей топонимии тюркоязычных народов является «…тесное переплетение названий географической объектов разных категорий, например, гор и рек или рек и перевалов и т.д.» [8, с. 91].

К вечным вопросам транскрипции относится то, что такая организационная форма, как передача тюркских географических названий средствами русской графии в результате картографических работ, прививает навыки и способствует усвоению топонимического материала в той или иной форме. Такие сложности, затрудняющие употребление и написание топонима, не соответствующего оригиналу, ограниченного в рамках русского алфавита, возникают из-за того, что в тюркских языках существуют фонемы, отсутствующие в русском языке. Поэтому закономерно возникают искажения в употреблении и написании названия того или иного физико-географического объекта.

Положение осложняется еще и тем обстоятельством, что многие названия, закрепившиеся традиционно десятилетиями на языке оригинала, и по-русски пишутся по-разному.

Э.М. Мурзаев отмечает, что «разнонаписание названий одних и тех же географических объектов еще в недалеком прошлом не знало предела. Например, название Каракумы передавалось в восьми формах: *Кара-Кум, Кара-Кумы, Кара-кум, Кара-кумы, Кара кум, Кара кумы, Каракум, Каракумы.*

Туркмены пишут *Гарагум*. Ныне в русской картографии возобладала модель слитного написания и почему-то в сохранившейся традиционной форме множественного числа, хотя есть форма *Кызылкум.*

В старой русской картографии сложные географические названия передавались в дефисном написании, при этом второй и третий компоненты писались со строчной буквы: *Сыр-дарья, Кашка-булак, Агкаямы-баши.* Основанием для такого написания служило указание на то, что последующие слова двух-, трехосновного имени собственного суть нарицательные: *дарья* ´полноводная река´, *булак* ´источник, ручей´, *кая* ´скала´, *баш* ´голова, вершина, начало´. Однако эта точка зрения была оспорена лингвистами, которые в таких случаях считали все нарицательные слова элементами имени собственного и поэтому предложили написать их с прописной буквы: *Марал-Баши, Мейдан-Чай, Ял-Оба-Кенд,* хотя *чай* ´река´, *оба* ´деревня, местожительство´, *кенд* ´город, селение´ [4, с. 229–230].

Но и такой вариант употребления сложных топонимов устраивал не всех, т.к. для написания через дефис компонентов подобных конструкций нужно было учитывать особенности семантической и морфологической структуры названия каждого физико-географического объекта. Чтобы передать компоненты топонима через дефис, нужно знать лексическое значение всех составных частей, слагающих его. В этом отношении можно было бы отметить пример, приведенный Г.И. Донидзе из казахского языка [9, с. 134], – название *Камыстыколь* (*камыс* ´камыш´, аффикс принадлежности *-ты и көл* ´озеро´), которое передано по-разному: *Камыс-Тыкуль и Камыс-Ты-Коль.*

Морфологическая структура топонимической конструкции, образованной от физико-географического апеллятива *камысты куль,* подсказывает, что аффикс *-ты*, как и в составе многих аналогичных морфологических единиц, должен употребляться в составе именной основы *камыс,* свидетельствующей о том, что озеро изобилует камышом. Если данную конструкцию рассматривать как морфологизированное свободное словосочетание, в котором функцию атрибутивного компонента выполняет имя существительное *камысты,* то становится ясно, что именной компонент должен писаться не слитно со словом *камысты*, а раздельно.

Вторая ошибка в правописании данного топонима заключается в том, что аффикс *-ты* рассматривается как самостоятельный компонент с лексическим значением и пишется через дефис с большой буквы, изолируясь от той основы, к которой должен присоединиться.

Разнобой в правописании подобных топонимов происходит не только потому, что в русском алфавите нет знаков для многих звуков тюркских языков, а еще и потому, что носитель русского языка не знает внутренней морфологической и семантической структуры тюркских языков и того, в каком случае слово имеет лексическое значение, а в каком выступает как факультативный идентификатор, усиливающий или ослабляющий лексическое значение производящей основы.

В решении данного вопроса важным представляется еще и то, что для позитивного ведения картографических работ топонимист должен быть еще и лингвистом, носителем одного из тюркских языков, знатоком словообразовательных и словоизменительных процессов.

Рассматривая проблемы стандартизации (нормализации) тюркских географических названий в национальном и международном аспектах, можно выделить проблемы топонимики – отрасль научной и одновременно практической деятельности, которая связана, как известно, с языкознанием.

Для картографического представления собственных названий различных видов географических объектов, а также родовых географических терминов, участвующих в формировании тюркских географических названий, необходимо учитывать их правописание с лингвистической точки зрения. Сущностью и главной задачей стандартизации тюркских географических названий является установление единой для каждого значимого физико-географического объекта формы названия, обязательной для официального и всеобщего употребления в официальных документах, на картах и в любых других публикациях.

В некоторых исследованиях, статьях идет искажение укоренившихся на отдельных тюркоязычных территориях названий физико-географических объектов, в частности компонентов топонимических словосочетаний, которые, становясь устойчивыми, не могут быть изъяты из обращения. Путаницы подобного рода, часто встречающиеся в работах по топонимике Средней Азии и Казахстана, переходят из одной работы в другую. Следует обратить внимание на правописание конструкции *Кызыл-Кыя ´красный откос´*. В словаре К.К. Юдахина второй компонент данного термина дается как положено – *кыя* ´косогор´ [10, с. 501].

В результате перехода слова *кыя* в состав топонимического словосочетания нарушается правописание его компонентов. Почему-то между ними вместо положенного дефиса употребляется тире. Подобные примеры встречаются в статье В.А. Никонова, посвященной киргизской оронимии [8, с. 86–107].

Среди топонимических названий тюркоязычных регионов самыми употребительными с точки зрения структурного состава являются «сдвоенные наименования», которые в одних случаях пишутся слитно, перемещая фразовое ударение с первого компонента на второй, в других – раздельно, то через дефис, а то и без него, перемещая ударение со второго на первый компонент. С другой стороны, встречаются трех- и даже четырехкомпонентные топонимы, в правописании которых нет устоявшихся, мотивированных орфографических правил. Г.И. Донидзе считает дефисное или слитное написание оправданным в зависимости от «природы названия» [9, с. 135] или от семантики того или иного топонима, которая в одних случаях является прозрачной, связываясь со значением производящего апеллятива, в других – остается неизвестной даже специалисту-тюркологу. Специалисты, занимающиеся вопросами транскрипции сложных физико-географических названий в тюркоязычных республиках, относятся по-разному к их правописанию: одни считают, что их можно передавать в слитной форме, другие выступают против подобного употребления. Некоторые исследователи тюркской топонимии, а именно Киргизии, Алтая, Тувы, явля-

ются сторонниками дефисного написания всех компонентов физико-географических названий, при этом каждый из них употребляется как имя собственное с прописной буквы: *Кара-Куль, Сары-Тала, Кара-Булак-Тор, Кара-Башат-Сай, Ак-Ташдык-Коль.*

По мнению некоторых специалистов, в Южной Сибири отмечаются многокомпонентные топонимы, встречающиеся в слитном написании: *Харахая, Холтас, Ташоба, Харахаясаяк.* Семантическую структуру последнего четырехсложного топонима можно раскрыть следующим образом**:** *хара* ´чёрный´, *хая* ´скала´, *сай* ´мель, галька, овраг´ и аффикс -*ах* [11, с. 34].

В названиях природных объектов Киргизии и Казахстана в преобладающем большинстве встречаются «связанные» топонимы. Но до сих пор в различных исследованиях отмечается эта связь в названиях природных объектов как отдельная грань явления. У тюркоязычных народов отмечается перенос названий гидрономического объекта на оронимический. В.В. Сапожников писал: «Общее правило у алтайцев называть горы по рекам, которые из них берутся» [12, с. 163].

К примеру, в бассейне р. Чаткал, протекающей на западе Киргизии, горные отроги *Кашка-суу* и *Кызыл-суу* названы по рекам *Кашка-суу* ´прозрачная вода´ и *Кызыл-суу* ´красная вода´.

Такая же картина наблюдается и в бассейне реки Карадарья: вершина с названием *Кашка-суу* названа по реке *Кашка-суу* ´прозрачная вода´. Подобное положение свидетельствует о том, что горы «заимствовали» названия гидронимических объектов. Перенесенное название с одного обозначаемого физико-географического объекта на другой, смежный с ним, подмена значений по сходству является метонимией. В образовании номенклатурных терминов может наблюдаться и обратный процесс, то есть названия рек могут образоваться от смежных названий оронимических объектов. В результате метонимического переноса образовались «неподходящие» для рек названия *Ак-Мойнок* и *Кара-Мойнок,* повторяющие названия горных седловин с исходными значениями ´белая шея´ и ´черная шея´. Топонимическое название в виде словосочетания с компонентом *бойнак* встречается и среди географических названий Туркменистана в виде микротопонима: *Гарабойнак* [13, с. 86]. К примеру, в карачаево-балкарском языке также отмечается словосочетание *Бойнуакъ* со значением ´белошеяя´ как собачья кличка. Если в первых примерах атрибутивный компонент употребляется в препозиции, то во втором случае – в постпозиции, редко встречающейся в тюркских языках.

В топонимии Средней Азии и Казахстана среди гидронимических и оронимических объектов часто употребляются тождественные названия – переносы топонимов с одного объекта на другой, в которых гармонично отражается сложное переплетение наименований физико-географических объектов разных категорий, обозначающих территориальную комплексность. В.В. Обручев в примечании к книге В.В. Сапожникова пишет: «Как алтайцы, так и казахи, и монголы, часто дают одинаковые названия речкам, текущим с одного перевала или с одной вершины…» [12, с. 503]. В.А. Никонов приводит «…пример, в котором пара названа одинаково, однако явно, что первично название реки, а не горы: в Заалийском хребте одна вблизи другой начинаются 2 реки *Къызыл-Су «*красная вода», одна уходит на запад и под таджикским названием *Сурхоб* «красная вода» течет в Амударью, другая – на восток, в Китай; гор и вершин с названием *Кызыл-Су* в СГНК тут не указано, если же они и есть в действительности, то само название доказывает, что не реки названы по горе, а обратно. Есть ли какая закономерность в таком хаосе противоположных переносов?» [8, с. 92].

Если семантика составляющих компонентов топонимов прозрачна, как в случае с названиями *Кашка-суу, Кызыл-Суу, Ак-Мойнок, Кара-Мойнок,* комплексность или метонимические переносы названий с одного объекта на другой не усложняют этимологический анализ и поэтому не нужно искать их книжных толкований.

Употребление названий физико-географических объектов, образованных от различных типов апеллятивов, свидетельствует о том, что слово сохранилось не только в топонимической лексике, но и в литературном языке. С другой стороны, отмечаются термины, которые сохранились только в топонимии, а в нормативной лексике не встречаются.

М.З. Улаков и Б.А. Мусуков отмечают, что «…значения составляющих компонентов всегда содержат представления, обусловленные их принадлежностью к той или иной части речи, т. е. в их состав входят понятия предметности, признака. В результате появления в языке нового наименования в виде свободного, лексикализованного словосочетания, парно-повторной конструкции, сложного слова, содержащего новый элемент, может отмечаться переход значения из одной лексико-грамматической категории в другую…» [14, с. 734].

Выбор наименований физико-географических объектов обусловили две характерные черты: 1) наличие растительности; 2) отсутствие растительности. В отличие от равнинной местности в горных районах отмечается обострение зрительных восприятий. По наличию негативного признака в оронимии Киргизии образованы некоторые названия объектов, например, перевал *Джалангач* ´голый´ (название встречается трижды в разных районах Киргизии), горы *Джаланнгач-Таш* ´голый камень´ в бассейне реки *Карадарья***.**

Выбор наименований для оронимических объектов на территориях Средней Азии и Казахстана, кроме того, обусловлен наличием обитания на них животных и птиц, например, *Ат-Жайлоо* ´конское пастбище´, *Уй-Жайлоо* ´коровье пастбище´ (в Киргизии).

В топонимии различных тюркоязычных регионов часто встречаются основы, означающие цвет и его оттенки, но в горных местностях, особенно в зоне разнотравья, они отмечаются гораздо больше. В районах выше линии вечных снегов цветовое многообразие становится умеренным. В.А. Никонов в этой связи пишет: «Ландшафты резко пересеченного рельефа зональны по вертикали, а на юге эти «этажи» особенно колоритны; перед глазами радуга желтых песков и зелени всех оттенков, бурых и черных скал, красных глин, багровых выступов гранита, белизны вечных снегов. Доступное глазу труднодоступно ногам даже на расстоянии, ничтожном по равнинным масштабам. В горах названия чаще подсказаны признаками зрительными, особенно цветовыми: гора *Ак-Таш* «белый камень», *Ак-Зол* «белая скала», *Кызыл-Кыя* «красный откос» и проч.» [8, с. 96].

Далее он отмечает, что в «Словаре географических названий Киргизии» (Фрунзе 1962) приводятся 1033 учтенных названия хребтов и вершин. Из них 229 (т.е. почти 30%) «…имеют первым компонентом цветовые определения: 79 *кара «*черный*»,* 73 *ак* «белый», 39 *кёк* «зеленый, синий», 35 *кызыл «*красный», 33 *сары «*жёлтый*»,* 16 *боз* «серый», 8 *чаар* «рябой», 7 *ала «*пестрый*»,* 6 *конгур* «бурый*»,* 3 *чал* «седой*»* ...Даже в гидронимии цветовые определения все-таки реже (в Киргизии – 570 из учтенных 2900 рек – около 20%)» [8, с. 96–97].

Основным значением перечисленных прилагательных, встречающихся как компонент в составе сложных топонимов на территории Киргизии, является значение цвета. Однако в их семантической структуре отмечаются и другие значения, не связанные с цветом, как значения многозначных слов. К.К. Юдахин отмечает, что в южнокиргизском диалекте слово *кара* означает не только ´чёрный´, но и ´непокрытое снегом место в горах´ [10, с. 346]; *´кара тартып´* в поисках непокрытого снегом места (*напр. о горной куропатке зимой*) [10, с. 346].

В киргизском языке, по данным словаря К.К. Юдахина, слово *кара* употребляется в шестнадцати значениях, некоторые из которых выражают и оттеночные значения. В составе отдельных значений слово *кара* в результате деэтимологизации, потеряв атрибутивное значение, выступает как имя существительное.

А.Н. Кононов считает, что прилагательные, обозначающие цвет, помимо основного значения, у тюркоязычных народов употребляются и как названия сторон света, например, *кызыл* при основном значении ´красный´ может означать ´южный´ [15, с. 159–161].

Интерес к изучению местной географической терминологии тюркоязычных регионов России и других государств возрастает из года в год, и для всестороннего исследования названий физико-географических объектов необходимо тщательное изучение народных географических терминов. Особенностью тюркской топонимии является то, что у многих природных объектов нет устоявшихся названий, т.е. одни и те же объекты могут иметь несколько названий. В названиях оронимических объектов наблюдается больше устойчивости, чем в названиях населенных пунктов. Одной из главных задач топонимии является идентификация названий древних объектов. Отсутствие письменных источников усложняет задачи любого исследования. Археологические памятники рассказывают только о материальной культуре и социальных отношениях прошлого, но сведения о названиях физико-географических объектов в них не приводятся. Старинные надписи и эпиграфический материал скудны оронимами и гидронимами. Датировка названий различных объектов никогда не была предметом исследований, методы стратиграфии не разработаны.

В такой ситуации следует опираться на народные географические термины, обладающие богатым информационным материалом, способствующим раскрытию многих спорных вопросов топонимии.

Таким образом, структурно-семантический анализ топонимических лексем и конструкций по тюркским языкам свидетельствует о том, что образование этого разряда лексики, участвующего в организации географических имен, отличается наличием лексико-семантических полей. Выявление этих полей отдельных лексем и синтаксических конструкций, образующих топонимические единицы того или иного тюркского языка в зависимости от отбора инвентаря апеллятивных основ с точки зрения типологических характеристик, является языковой моделью окружающего мира, включая и природный ландшафт, отражая коллективный опыт носителей тюркских языков. Лексико-семантические поля свойственны не семантике топонимов, а семантике апеллятивных лексем, расположенных в различных частях конструкций. Важной теоретической задачей на уровне словообразования топонимических моделей как вторичных номинативных единиц с расчлененной ономасиологической структурой с точки зрения их семантического назначения является анализ соотношения семантики апеллятива и семантики топонима.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мурзаев Э.М.* Местные географические термины и их роль в топонимии // Вопросы географии. 1970. № 81. С. 16–35.

2. *Конкашпаев Г.К.* Словарь казахских географических названий. Алма-Ата: Издательство Академии наук КазССР. 1963. 179 с.

3. *Конкобаев К.* Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе: Илим, 1980. 172 с.

4. *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М.: Восточная литература, 1996. 254 с.

5. *Попова В.Н.* Информационная роль местных географических терминов в составе топонимов // Вопросы географии, 1970. № 81. С. 179–184.

6. *Крюкова А.С.* Некоторые наблюдения над терминами в составе гидронимов Уральской и Гурьевской областей // Ономастика Средней Азии. М.: Наука, 1978. С. 111–114.

7. *Хапаев С.А.* Географические названия Карачая и Балкарии. М.: Эльбрусоид, 2013. 576 с.

8. *Никонов В.А.* Заметки по оронимии Киргизии. Ономастика Средней Азии. М.: Наука, 1978. С. 86–107.

9. *Донидзе Г.И.* Некоторые вопросы русской передачи тюркоязычных географических названий Советского Союза. Топонимика Востока. М.: Восточная литература, 1962. С. 129–135.

10. Киргизско-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1965. 973 с.

11. *Бушуева Е.Н., Волостнова М.Б.* Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Хакасской автономной области. М.: Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1968. 80 с.

12. *Сапожников В.В.* По русскому и монгольскому Алтаю. М.: Государственное издательство географической литературы, 1949. 198 с.

13. *Атаниязов С.*М. Толковый словарь географических названий Туркменистана. Ашхабад: Илым, 1980. 303 с.

14. *Улаков М.З., Мусуков Б.А.* Дифференциальные и интегрирующие особенности лексемы ола/ала в тюркских языках (на материале узбекского и карачаево-балкарского языков) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 728–742.

15. *Кононов А.Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М.: Наука. 1978. С. 159–179.

REFERENCES

1. Murzaev E.M. *Mestnyye geograficheskiye terminy i ikh rol' v toponimii* [Local geographic terms and their role in toponyms] // Voprosy geografii. 1970. No. 81. Pp. 16–35.

2. Konkashpaev G.K. *Slovar' kazakhskikh geograficheskikh nazvaniy* [Dictionary of Kazakh geographical names]. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 1963. 179 p.

3. Konkobaev K. *Toponimiya Yuzhnoy Kirgizii* [Toponymy of Southern Kyrgyzstan]. Frunze: Ilim, 1980. 172 p.

4. Murzaev E.M. *Tyurkskiye geograficheskiye nazvaniya* [Turkic place names]. M.: Vostochnaya literatura, 1996. 254 p.

5. Popova V.N. *Informatsionnaya rol' mestnykh geograficheskikh terminov v sostave toponimov* [Informational role of local geographical terms in toponyms] // Voprosy geografii. 1970. No. 81. Pp.179–184.

6. Kryukova A.S. *Nekotoryye nablyudeniya nad terminami v sostave gidronimov Ural'skoy i Gur'yevskoy oblastey* [Some observations on the terms in the hydronyms of the Ural and Guryev regions] // *Onomastika Sredney Azii* [Onomastics of Central Asia]. Moscow: Nauka, 1978. Pp. 111–114.

7. Khapaev S.A. *Geograficheskiye nazvaniya Karachaya i Balkarii* [Geographical names of Karachay and Balkaria]. M.: Elbrusoid, 2013. 576 p.

8. Nikonov V.A. *Zametki po oronimii Kirgizii. Onomastika Sredney Azii* [Notes on the oronyms of Kyrgyzstan. Onomastics of Central Asia]. Moscow: Nauka, 1978. Pp. 86–107.

9. Donidze G.I. *Nekotoryye voprosy russkoy peredachi tyurkoyazychnykh geograficheskikh nazvaniy Sovetskogo Soyuza. Toponimika Vostoka* [Some questions of conveying of the Turkic-

language geographical names of the Soviet Union into Russian. Toponymy of the East]. M.: Vostochnaya literatura, 1962. Pp. 129–135.

10. *Kirgizsko-russkiy slovar* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1965. 973 p.

11. Bushueva E.N., Volostnova M.B. *Slovar' geograficheskikh terminov i drugikh slov, vstrechayushchikhsya v toponimii Khakasskoy avtonomnoy oblasti* [Dictionary of geographical terms and other words found in the toponyms of the Khakass Autonomous Region]. M.: Chief geodesy and cartography Dept. under the Council of Ministers of the USSR, 1968. 80 p.

12. Sapozhnikov V.V. *Po russkomu i mongol'skomu Altayu* [Across the Russian and Mongolian Altai]. M.: State publishing house of geographical literature. 1949. 198 p.

13. Ataniyazov S.M. *Tolkovyy slovar' geograficheskikh nazvaniy Turkmenistana* [Explanatory dictionary of geographical names of Turkmenistan]. Ashgabat: Ilym, 1980. 303 p.

14. Ulakov M.Z, Musukov B.A. *Differentsial'nyye i integriruyushchiye osobennosti leksemy ola/ala v tyurkskikh yazykakh (na materiala uzbekskogo i karachayevo-balkarskogo yazykov)* [Differential and Integrating Features of the Lexeme ola / ala in Turkic Languages: a Case Study of the Uzbek and Karachay-Balkar Languages] // Oriental Studies. 2020; 13(3):728–742.

15. Kononov A.N. *Semantika tsvetooboznacheniy v tyurkskikh yazykakh* [Semantics of color designations in Turkic languages] // Turkologicheskiy sbornik. 1975. M.: Science. 1978. Pp. 159–179.

LEXICO-SEMANTIC AND SYNTHAGMATIC FEATURES OF TURKIC GEOGRAPHICAL NAMES AND APPELLATE LEXEMES

B.A. MUSUKOV, M.Z. ULAKOV, L.KH. MAKHIEVA

Institute for the Humanitarian Researches –
branch of the FSBSE «Federal Scientific Center
«Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin str.
E-mail: kbigi@mail.ru

The article is devoted to the comprehensive study of the Turkic toponymic models formed from physical-geographical, ethnocultural and historical-cultural appellatives, semantic motivation and toponymic positivity. We consider and study the issues connected with the functioning of "related" geographical names – the transfer of names of hydronymic objects to oronymic ones. We examine geographical terms in independent use, toponyms consisting of an attributive component and a geographical term. The purpose of our study is to consider and analyze the use of monobasic topolexemes and syntactic constructions in the Turkic languages, the participation of absolute and descriptive appellatives in the formation of physical-geographical names, the functioning of the related geographic namess. The work is performed on the toponymic material of many languages, in particular – Kazakh, Kyrgyz, Karakalpak, Turkmen, Karachay-Balkar and Altai.

Keywords: topolexem, "related" toponyms, appellate, geographical object, toponymic standardization, hydronyms, oronyms.

Received by the editors 11.08.21

For citation. Musukov B.A., Ulakov M.Z., Makhieva L.Kh. Lexico-semantic and synthagmatic features of Turkic geographical names and appellate lexemes // News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS. 2021. No. 4 (102). Pp. 80-89.

Сведения об авторах:

Мусуков Борис Абдулкеримович, д.фил.н., в.н.с., заведующий сектором карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН.
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
E-mail: bmusukov@bk.ru.

Улаков Махти Зейтунович, д.фил.н., г.н.с. сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН.
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
E-mail: maxtti @mail.ru.

Махиева Людмила Хамангериевна, к.фил.н., доцент, заместитель директора по научной работе Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН.
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
E-mail: liudmila.makhieva@mail.ru

Information about the autors:

Musukov Boris Abdulkerimovich, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher. Head of the Karachay-Balkar Language sector of the Institute for Humanitarian Researches - a branch of the Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”.
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin str.
E-mail: bmusukov@bk.ru.

Ulakov Makhti Zeitunovich, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher of the Karachay-Balkar Language sector of the Institute for Humanitarian Researches - a branch of the Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”.
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin str.
E-mail: maxtti @mail.ru.

Makhieva Lyudmila Khamangerievna, Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Deputy Director of the Institute of Humanitarian Researches of Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences for scientific work.
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin str.
E-mail: liudmila.makhieva@mail.ru.